

нагłoŝnionych przez media, mogą rodzić przekonanie, że nasz kraj jest bardziej skorumpowany, niź ma to faktycznie miejsce. Walka z korupcją to długi proces, który wymaga od kaźdego z nas postawy etycznej w kaźdej dziedzinie życia. Musimy pamiętać i edukować młodsze społeczeństwo, że to przede wszystkim zmiana postawy ludzi może skutecznie przeciwdziałać praktykom łapówkarskim.

LITERATURA

1. Balcerowicz, L. Choroba brudnych rąk. „Rzeczpospolita”, 17.01.1999r.
2. Hessel, M., Murphy, K. Ukraść państwo i całą resztę. Przegląd korupcji w świecie postkomunistycznym. www.poslaniec.pl/2000/01/01stealing.htm.
3. Kojder, A. Anatomia Korupcji i jej cechy w okresie zmiany ustrojowej, Warszawa 2001r.
4. Kojder, A. Godność i siła. Szkice socjologiczno-prawne, Warszawa 2001 r.
5. Komunikat CBOS „Opinia społeczna o korupcji w Polsce”, kwiecień 2009r.
6. Lambsdorff, J. Causes and Consequences of Corruption: What Do We Know from a Cross-Section of Countries?, w: International Handbook on the Economics of Corruption, 2006.
7. Senturia, J.J. Encyklopedia of Social Sciences, 1993, t. VI
8. The Economist: Globalna wojna z łapówkarstwem, „Businessman Magazine” marzec 1999r.

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Д. Ейдукене

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва

До Наполеоновских войн о немецком либерализме не могло быть и речи - его как самостоятельного общественного течения не существовало и не могло существовать. Это вполне соответствовало объективным и субъективным устоям существования немецкого общества. Для большинства немцев «просвещенная монархия» времен Фридриха Великого была путеводной звездой, а сам Фридрих Великий сочетал в своей деятельности свободолобивые идеи с тенденциями всесторонней опеки над подданными. Этот «революционер на троне»¹ оставил в назидание преемникам не только благородный образ монарха, стоящего на страже народных интересов, но и образ либерала, который в борьбе с феодальными элементами становился на эмансипационную точку зрения.

С другой стороны, до Наполеоновских войн, в эпоху Фридриха II, народ Германии был политически индифферентным: он смиренно держался в стороне от политической и общественной жизни, не обнаруживая к ней никакого интереса, целиком уйдя в раковину тихой и размеренной домашней жизни. Более того, так называемое «четвертое» сословие - городская мелкая буржуазия, интеллигенция, студенчество и крестьянство - было не только отстранено от всякого самостоятельного и сознательного участия в политической жизни страны, но и сурово отучено это делать немецким правительством, возводившим абсолютное политическое воздержание в высший принцип гражданской мудрости и добродетели.

До сих пор немецкое правительство видело в полнейшем невмешательстве граждан в политические дела страны основную гарантию прочности и непоколебимости существующего государственного строя, но, как непререкаемо показали наполеоновские войны, эта основная гарантия представляла огромную национальную опасность. Немецкое правитель-

ство оказалось в совершенно безвыходном положении, когда отражение победоносного шествия наполеоновской армии потребовало со стороны немцев гражданского мужества, гражданской стойкости и тесной сознательной сплоченности правительства с народом. Ничего подобного Германия не могла противопоставить Наполеону.

Благодаря наполеоновским войнам, внутреннее несовершенство общественного строя Германии (в особенности Пруссии), до сих пор скрывавшееся за толстой корой внешнего официального благополучия, прорвалось наружу. И это не могло раньше или позже не привести к естественно вытекающему из них политическому выводу об элементарной национальной опасности существовавшего тогда государственного строя, что, в свою очередь, не могло не привести к резкому столкновению между правительством и обществом.

И действительно, война и поражения научили людей воспользоваться своим правом и подвергнуть критике тот государственный строй, который так плохо ограждал и защитил их. Она вовлекла народ в большую политику и приобщила к решению и пониманию, пусть стихийному и частичному, того, что лежало прежде за границами его первоначально индивидуального «Я».

Таким образом, в Германии начало складываться либеральное течение. Немецкие либералы начала XIX века осуждали немецкую отсталость, политическую рутину и раздробленность, сохраняя страх перед «якобинской опасностью». Вместе с тем в воззрениях и стремлениях первых немецких либералов проявлялись и новые черты. Критика германских порядков утрачивала прежний отвлеченный характер. Она становилась конкретной и требовательной, в ней все настойчивее абсолютизму противопоставлялся конституционный строй. Таким образом, немецкая либеральная буржуазия выражала стремление демократизировать страну. Она использовала для этого лозунг объединения Германии и требовала введения конституции и конституционных свобод, призывая к демократическим реформам.

Первыми работами по этому поводу, обратившими на себя внимание немецкой общественности, были книги фрейбургского профессора истории права и политической экономии Карла Роттека² «Всеобщая история» (2) и «Государственное право конституционной монархии» (3). В своих трудах профессор заявлял об исторической необходимости воссоединения Германии и мыслил это только на основе подлинного народного представительства. Естественный первообраз государства для Роттека - демократия. Он восстает против системы двух палат и против отдельного представительства наследственной аристократии. Конституция, говорил он, правомерна лишь в том случае, если она устанавливает господство общей воли.

Роттек осуждал произвол германских князей и говорил о «естественном праве народов». В определении понятия права он придерживался взглядов Канта, исходя из свободы человека, но свобода одного не должна препятствовать свободе другого.

О политической значимости Роттека говорит тот факт, что в 1848 г. во Фрейбурге ему был воздвигнут памятник, который после подавления революции был снят, а в 1862 г. снова восстановлен.

1814 г. публицист, профессор государственного права, Карл-Теодор Велькер³ издал книжку под названием «Свобода Германии, речь для правителей и народа» (4). В ней Велькер в требовательном тоне изложил свои мысли о том, что Германии необходимы не только свободное представительство, но и национальный парламент. Вместе с Дальманом, Фальком, Твестеном он издавал газету „Kieler Blätter“, имевшую

большое влияние и смело обсуждавшую конституционные вопросы. В 1840 г. Велькеру было запрещено чтение лекций. Против него был начат судебный процесс, но суд оправдал его, что явилось немаловажной деталью, свидетельствующей об определенном настрое общества.

Тем временем правительство всяческим образом старалось пресекать всякое либеральное свободомыслие. Несмотря на преследования правительства, брожение, загнанное репрессиями внутрь общественного организма, в верхних слоях немецкого общества продолжалось. В 1830 г. произошла, как известно, в Париже июльская революция, оказавшая глубокое потрясающее влияние на развитие общественной жизни и социальных теорий Германии. Общественное мнение Германии всегда находилось под сильным влиянием далеко ушедшей вперед Франции, но ни одно событие французской истории не оказало на Германию такого влияния, как июльская революция, это «политическое землетрясение», как называл ее Гейне.

Вскоре после июльской революции в некоторых местах Германии произошли народные волнения, правда, не принявшие особенно широких и грозных размеров. А между тем король не только не был склонен исполнить свое обещание, но он был готов засадить в тюрьмы и расстрелять всю мыслящую Германию. Но, несмотря ни на что, в 1832 г. один из вождей либеральной оппозиции Зибенпфейфер⁴ обратился с воззванием к немецкому народу, предлагая отпраздновать в замке Гамбах день издания баварской конституции. Это предложение было встречено с энтузиазмом, и тотчас же начались оживленные приготовления к посылке депутаций и представителей. Встревоженное правительство взялось было за обычные меры пресечения, но неожиданно наткнулось на столь стойкий и дружный отпор и на такую твердую решимость во что бы то ни стало устроить национальное празднество, что, несмотря на свое первоначальное запрещение Гамбахского празднества, в конце концов, не приняло никаких мер, чтобы фактически не допустить его.

Так, 27 мая 1832 г., в Гамбахе состоялась широкая демонстрация оппозиционных сил. Здесь присутствовали преимущественно представители буржуазно-демократической интеллигенции, прибывшие из различных частей Германии, а отчасти из Франции и из других стран. Произносились горячие, зажигательные речи, в которых ораторы требовали создания в Германии республиканского конституционного строя. Именно в Гамбахе власти Германии были впервые открыто названы врагами ее национального единства, и мысль о том, что политическое сплочение страны должно осуществиться без содействия ее государей и вразрез с их волей, получила общее признание.

Вирт⁵ произнес горячую речь (за которую поплатился долгим тюремным заключением), поднял свой бокал за «свободные государства», за «объединенную республиканскую Европу», и воскликнул, потрясая мечом: «Прокляты, трижды прокляты правители Германии!» И возбужденное собрание отвечало ему криками: «К оружию! К оружию!»

В конце праздника Зибенпфейфер и Вирт, воздвигнув трехцветное германское знамя с надписью «Возрождение Германии», провозгласили верховенство народа принципом государственного строя и указали, как на конечную цель своих стремлений, на объединение Германии в виде федеративной республики и конфедерацию европейских республик (1, с. 25-31).

Новые надежды у немецких либералов были возбуждены вступлением на прусский престол Фридриха-Вильгельма IV. Еще когда он был наследником, в либеральных кругах ходили слухи о его либерализме, тонкой образованности сочувствии новым политическим идеям. Когда же 7 июня 1840 г. Фридрих-Вильгельм IV вступил на престол, то слухи эти всеми стали восприниматься за достоверность, и политический дух раннего немецкого либерализма снова воспрянул. Новые идеи носились в воздухе, но это продолжалось недолго.

Свой политический дебют Фридрих-Вильгельм IV начал с того, что созвал в Кенигсберге съезд провинциальных ландтагов для принесения присяги. 6 августа открылось заседание ландтага. Прежде всего произнес речь депутат города Кенигсберга купец Гейнрих. Речь свою он закончил словами, что Фридриху-Вильгельму IV предстоит выполнить королевское слово – то, что еще 22 мая 1815 г. было дано немецкому народу, – дать конституцию. Гейнрих предложил резолюцию, чтобы в Берлине была собрана комиссия с привлечением земских представителей и выработан проект конституции.

Предложение Гейнриха было поддержано обер-президентом Шёном и другими лицами и, в конце-концов, было принято, после оживленных дебатов, девяносто голосами против пяти.

Ответа короля ждали с лихорадочным нетерпением – вопрос об объявлении конституции был поставлен очень определенно, и характер ответа короля должен был сразу определить его отношение к кардинальному вопросу немецкой общественной жизни. Вопросу, в котором, как в фокусе, концентрировались лучи пробуждавшегося общественного сознания. Общество ждало. Надежды либералов возлагались на предстоящую сессию провинциальных собраний. Это ожидание породило поток оппозиционной литературы. Среди него две брошюры обратили на себя всеобщее внимание.

Первая брошюра вышла анонимно в 1840 г. под кратким названием «Откуда и куда?» (6). Стоустая молва приписывала ее авторство крупному либеральному деятелю тогдашней эпохи – обер-президенту в Кенигсберге фон Шёну, который открыто высказывал свое решительное сочувствие конституционным стремлениям и, благодаря его близости к королю, либералы надеялись, что он склонит короля даровать конституцию.

И действительно, автором брошюры оказался Шён. В ней это официальное лицо германского государства говорит о необходимости перемены политического курса в стране и доказывает необходимость конституции. По его мнению, на съезде депутатов провинциальных собраний в Кенигсберге было ясно сказано, что немецкий народ достаточно созрел для политического самоуправления. Депутаты «сделали только то, что они должны были сделать... Петиция (о конституции) была подписана не людьми, не знающими ни собственности, ни родины, не легковесным юношеством, не умами, сразу вскипающими и жаждущими новизны. Эту петицию подали люди зрелого обсуждения и опыта; люди, убеленные сединами, люди, которые при всяком проявлении анархии и нелояльности, потеряли бы, конечно, больше, чем само существующее правительство» (7, с. 24).

Шён убежден не только в необходимости народного представительства, но также видит в нем спасение, благодаря которому может возникнуть в Германии общественная жизнь. Уже в 1813 г. занялась было заря общественной жизни. И только благодаря этой заре, по призыву короля, все стар и млад, стекались под его знамена. Если теперь впервые наступит у нас эпоха полной общественной жизни, то мы станем несокрушительными, и трон подымется на ту высоту, которая соответствует культурному положению страны. Более того, Шён убежден, что если настал день и движение солнца нельзя остановить, он считает, что время так называемого отеческого или патриархального правления, видевшего в народе лишь массу несовершеннолетних людей, которыми надо управлять по своему усмотрению, безвозвратно минуло. «Того, кто не хочет брать время таким, каково оно есть, выбирая из него все доброе и содействуя его развитию, того карает время» (7, с. 25), – говорил обер-президент.

Брошюра Шёна вызвала огромную сенсацию как в правительственных, так и в общественных кругах. Вслед за ней появилась новая под названием «Четыре вопроса» (6), написана гораздо жестче, чем брошюра Шёна и произвела, благодаря этому, еще большую сенсацию. Ее автором был кенигсбергский врач Якоби.

Он пишет, что результатом наполеоновских войн была полная потеря доверия обществом немецкому правительству. По его мнению, успокоить взволнованную страну и восстановить утраченное доверие правительству может только свободная общественная жизнь и представительство. Участие граждан в государственных делах должно основываться на твердых статьях закона. И если петиции и просьбы не помогут, то он чисто в якобинском духе рекомендовал либералам, добиваться и требовать, как неотъемлемого, права того, о чем до сих пор только просили (6, с. 16-17).

Либеральная оппозиция сразу же приветствовала Якоби, как своего вождя, а правительство издало приказ о судебном преследовании Якоби и, лишив гражданских прав, заключило его в крепость на три с половиной года.

Вот такая несложная история показывает, что ранний немецкий политический либерализм был детищем своего времени. Все надежды на лучшее будущее и настоящее он связывал с политическими, в основном с конституционными требованиями. Экономическая отсталость ему еще не позволяла осознать зреющего в обществе рабочего вопроса. Но, начиная с 30-40-х годов XIX столетия, вместе с молодой капиталистической промышленностью в немецком либерализме обозначается экономически-оппозиционное направление. Развитие капитализма в Германии внесло свои коррективы в социально-политическую жизнь страны. В первую очередь это проявилось тем, что в тридцатых-сороковых годах XIX столетия передовой слой немецкой буржуазии настраивался по отношению к правительству не только на политико-оппозиционный, но и на экономически-оппозиционный лад. Это было обосновано противоречием, к которому к тому времени пришли экономические интересы буржуазии и экономическая политика страны с ее официальной идеей современного государства. Эта идея соответствовала идеалам нового экономического либерализма, который в конце XVIII - начале XIX века уже и в Германии привлек на свою сторону просвещенных мыслителей и политиков через влияние французских физиократов и английское учение Адама Смита. Это была программа свободы торговли и промышленности, в основе которой лежала доктрина «естественного порядка», со своей знаменитой формулой „laissez faire", laissez passer"⁶. Эта формула означала ограничение задач правительственной власти и государства своим вмешательством, только тормозящим стихийный процесс самоорганизации. Следуя ей, идея государства сводилась только к охране права, именно того, которое является условием свободной меновой экономики.

Смитианцы с восторгом говорили о том, что в условиях «свободного» общества каждый должен заботиться о себе сам. Менее всего на государство они могли возлагать какие-либо социальные функции. Ее кредо: «При всякой хозяйственной нужде совестливый экономист может дать только старый совет: «работайте и сберегайте» (7, с. 410). Без сбережений не может никоим образом улучшиться чье-либо положение.

Такой же точки зрения придерживались и официальные власти Германии. Смитианство в то время было для них путеводной звездой. Но общественно-экономическая система «естественного равновесия» с вытекающими из нее постулатами экономической политики не могла быть для Германии долговечной. В связи с поздним вступлением ее на путь капиталистического развития доминирующим фактом была крайняя экономическая отсталость страны. Перед экономической мыслью Германии властно выдвигался вопрос о причинах этой отсталости и путях ее ликвидации. Перед лицом конкуренции индустриально

развитых стран молодая капиталистическая промышленность Германии нуждалась в государственном покровительстве. В связи с этим группа профессоров-экономистов решается порвать со смитианскими традициями. Идее невмешательства государства в область экономики они противопоставляли идею «этизации народного хозяйства», идею «нравственной общности предпринимателей и рабочих» и предотвращения социальных конфликтов с помощью санкционированных государством реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, не решаясь ликвидировать крепостных отношений, он, однако, сдерживал помещичий произвол, ограничивая захват общинных земель и отдавая приказы восстанавливать снесенные крестьянские дворы. На доменах Фридрих отменяет личные повинности и создает льготные условия выкупа земли.

² К. Роттек (1775-1840), профессор истории права и политической экономии Фрейбургского университета. В 1819 г. университет выбрал его своим депутатом в баденскую первую палату, где он решительно выступил за отмену крепостного права. В 1831 г. он был избран во вторую палату, где он до самой смерти был одним из вождей либеральной партии. В 1832 г. реакция добилась его удаления с кафедры и запрещения основанной им газеты «Свободомыслие».

³ К. Велькер (1790-1869), немецкий публицист, профессор государственного права в Гейдельберге, в Бонне и в Фрейбурге, брат Фридриха Великого. В 1830 г. Велькер послал в союзный сейм обратившую на себя всеобщее внимание петицию «Совершенная и полная свобода прессы» (Фрейбург, 1830 г.). Избранный в 1831 г. депутатом в баденскую палату, он отстаивал сохранение конституционной системы. Вместе с Роттеком и Деттингером он основал первое бесцензурное периодическое издание «Свободомыслие», нашедшее обширный круг читателей. Сейм запретил газету. В марте 1848 г. участвовал в комитете семи, который подготовил в Гейдельберге созыв представительного парламента во Франкфурте.

⁴ Зибенпфейфер - редактор баварской газеты „Deutsche Tribune“, вождь радикальной партии Баварии.

⁵ Вирт Георг-Август (1798-1848) - в 1831 г. издавал газету „Der Kosmopolit“ республиканского характера. С 1 июля 1831 г. начал издавать „Deutsche Tribune“, которую в марте 1832 г. запретили. За речи на Гамбахском празднике был осужден, отсидел 2 года. В 1836 г. бежал во Францию, где в 1847 издавал „Deutsche Nationalblatt“ в конституционно-монархического направления.

⁶ „laissez faire“, laissez passer - «свободу предпринимательству», «свободу торговли».

ЛИТЕРАТУРА

1. Becker A. Hambach und Pirmasens. Beiträge zur Geschichte des Hamburger Festes, Permases, 1928.

2. K. Rotteck. Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsere Zeit. - Freiburg, 1813-1818.

3. Rotteck. Staatsrecht der konstitutionellen Monarchie. - Altenburg, 1824-1827.

4. K. Welker. Deutschland Freiheit, eine Rede an die Fürsten und das Volk. - Kiel, 1814.

5. Woher und Wohin? - Königsberg, 1840.

6. Vier Fragen. - Königsberg, 1840.

7. П. А. Берлин. Очерки общественной жизни и мысли в Германии (тридцатые и сороковые годы). - Краснодар, 1924.

8. Prince-Smith'a - „Die sogenannte Arbeiterfrage“ в „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft“: - Tübingen, XXVIII B., 1872.